

Протоиерей Борис Пивоваров

О СВЯТООТЕЧЕСКОЙ МЕТОДИКЕ ЦЕРКОВНОГО БОГОСЛОВИЯ

Говоря о церковном богословии как богословии Церкви Христовой Православной, нельзя умолчать о том, как богословствовали святые отцы Церкви.

Когда святителя Василия Великого († 379) некто попросил прислать «письменное исповедание благочестивой веры», то этот великий учитель веры православной сначала по своему глубокому смирению замедлил с ответом. Затем, приведя себе на память слова святого апостола Павла «*сердцем бо веруется в правду, усты же исповедуется во спасение*» (Рим. 10, 10), он посчитал небезопасным оставить благочестивую просьбу без ответа и написал вопрошающему письмо-поучение «О вере»¹. Но, предваряя письменное исповедание благочестивой и спасительной веры, святитель Василий написал следующее: «Надобно заметить и то, что величия Божия и славы Божией, которые и словом необъемлемы, и умом непостижимы, невозможно ни изобразить, ни представить одним речением или понятием. Богодухновенное же Писание с помощью многих речений, обращающихся в нашем употреблении, едва приблизило их к понятию чистых сердцем, и то представив как в зеркале. Ибо зрение *лицем к лицу* и совершенное познание по обетованию (1 Кор. 13, 12) дано будет достойным в будущем веке. А ныне, будь кто Павел и Петр, хотя истинно видит то, что видит, и не обманывается и не мечтает, однако же видит *зерцалом и в гадании*, и *отчасти* приемля ныне с благодарением, совершенного познания с радостью ожидает в будущем веке»².

¹ *Святитель Василий Великий. О вере // Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския. Часть пятая. — 3-е изд. — Сергиев Посад, 1892. С. 23–34.*

² Там же. С. 26–27.

**Икона «Три Святителя»
(Василий Великий, Иоанн Златоуст
и Григорий Богослов). Греция**

Напомнив о боговедении ближайших учеников Христовых — Петра и Иоанна, святитель Василий Великий продолжает: «Подтверждают же сие кроме блаженного Петра и Иоанна и другие ученики Господни, которые, при непрестанно большем и большем возрастании и преспеянии в настоящей жизни, тем не менее были в превосходстве ведения, предоставленного будущему веку»¹.

Далее, начиная говорить о Боге, об именах Божиих, о благодати, премудрости и силе Божией, святитель Василий прежде всего учит благоговейному подходу к исследованию Писания и всего церковного учения. Он дает пример величайшей осторожности в употреблении слов, напоминая, что понятия, которое бы вполне

не было достойно Бога, «никто никогда не достигнет, хотя бы соединились все умы для исследования и стеклись все языки для выражения оного»². И только после целого ряда предостережений святитель Василий приступает к изложению исповедания веры Церкви во Святую Троицу и богочеловечество Христа Спасителя. Завершается это краткое вероизложение увещанием жить достойно Евангелия Христова, хранить апостольскую веру, соблюдать Христовы заповеди.

Указанное творение святителя Василия Великого «О вере», к сожалению, не используется и даже не упоминается в известных учебных курсах догматического богословия. Между тем, это краткое поучение является прекрасным образцом церковного богословствования

¹ Святитель Василий Великий. О вере... С. 27.

² Там же. С. 28.

ния — *свидетельства о Боге богоприличными словесы*, то есть словами, достойными святости, славы и величия Божия.

Прекрасные наставления о достодолжном богословствовании находятся в творениях друга Василия Великого — святителя Григория Богослова. В Слове 27 (о богословии первом или предварительном) святитель Григорий Богослов пишет следующее:

«Любомудрствовать о Боге можно не всякому, — да! не всякому. Это приобретается не дешево и не пресмыкающимися по земле! Присовоюкуплю еще: можно любомудрствовать не всегда, не перед всяким и не всего касаясь, но должно знать: когда, перед кем и сколько. Любомудрствовать о Боге можно не всем, потому что способны к сему люди испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего очистили, по крайней мере очищают, и душу, и тело. Для нечистого же, может быть, небезопасно прикоснуться к чистому, как для слабого зрения к солнечному лучу. Когда же можно? — Когда бываем свободны от внешней тины (то есть не порабощаемся плоти) и мятежа, когда владычественное в нас (то есть ум) не сливается с негодными или блуждающими образами, как красота письмен, перемешанных письменами худыми, или как благовоние мира, смешанного с грязью. Ибо действительно нужно *упраздниться*, чтоб *разуметь Бога* (Пс. 45, 11), и *егда приимем время, судить о правоте Богословия* (Пс. 74, 3).

Перед кем же можно? — Перед теми, которые занимаются сим тщательно, а не в ряду с прочим толкуют с удовольствием и об этом после конских ристаний, зрелищ и песней, по удовлетворении чреву и тому, что хуже чрева. Ибо для последних составляет часть забавы и то, чтоб поспорить о таких предметах и отличиться тонкостью возражений.

О чем же должно любомудрствовать и в какой мере? — О том, что доступно для нас и в такой мере, до какой простираются состояние и способность разума в слушателе. Иначе как превышающие меру звуки или яства вредят одни слуху, другие телу или, если угодно, как тяжести не по силам вредны поднимающим и сильные дожди — земле, так и слушатели утратят прежние силы, если их, скажу так, обременить и подавить грузом трудных учений»¹.

¹ *Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский. Собрание творений: В 2-х томах. Т. 1.* — Репринтное издание. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. С. 386—387.

Написав о том, как осторожно, благоговейно, трепетно надлежит заниматься богословием, святитель Григорий Богослов сразу же подчёркивает, что помнить о Боге и молиться христианин должен всегда.

«И я не то говорю, будто бы не всегда должно памятовать о Боге (да не нападают на нас за это люди на все готовые и скорые!). Памятовать о Боге необходимее, чем дышать; и, если можно так выразиться, кроме сего не должно и делать ничего иного. И я один из одобряющих слово, которое повелевает *поучаться день и ночь* (Пс. 1, 2), *вечер и зутра и полудне поведать* (Пс. 54, 18) и *благословлять Господа на всякое время* (Пс. 33, 2). А если нужно присовокупить и сказанное Моисеем, *то лежа, и востая, и идый путем* (Втор. 6, 7), и исправляющий другие дела должен памятовать о Боге и сим памятованием возводить себя к чистоте.

Таким образом, запрещаю не памятовать о Боге, но богословствовать непрестанно; даже запрещаю не богословствование, как бы оно было делом не благочестивым, но безвременность, и не преподавание учения, но несоблюдение меры»¹.

В Слове 20 (о догмате Святой Троицы) святитель Григорий связывает богословствование с добродетельной жизнью, во всем согласной с заповедями Божиими. «Хочешь ли со временем стать богословом и достойным Божества? — Соблюдай заповеди и не выступай из повелений. Ибо дела, как ступени, ведут к созерцанию. Трудись телом для души. И может ли кто из людей стать столь высоким, чтобы прийти в меру Павлову? Однако же и он говорит о себе, что видит только *зерцалом в гадании* и что наступит время, когда узрит *лицем к лицу* (1 Кор. 13, 12)»². Так же писал друг святителя Григория Богослова святитель Василий Великий в вышеуказанном творении «О вере»: «Ибо зрение *лицем к лицу* и совершенное познание по обетованию (1 Кор. 13, 12) дано будет достойным в будущем веке»³.

Одно из важнейших свидетельств о святоотеческом богословствовании сохранилось в творениях священномученика Иринея, епископа Лионского, пострадавшего за Христа около 202 года. Ценность его свидетельства заключается в том, что святой Ириней непосредственно общался со священномучеником Поликарпом, епископом Смирн-

¹ Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский. Собрание творений... С. 387.

² Там же. С. 305.

³ Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския. Часть пятая. — 3-е изд. — Сергиев Посад, 1892. С. 26–27.

ским († 156 г.), который в свою очередь общался с евангелистом Иоанном Богословом и «другими видевшими Господа»¹.

Это свидетельство содержится в знаменитом творении священномученика Иринея «Обличение и опровержение лжеименного знания», более известном под латинским названием «Adversus haereses» («Против ересей»). Это творение было написано в 80-е годы II века. Священномученик Иринея не ставил себе задачи составлять «систематическое богословие». Он писал о Церкви Христовой, защищая веру Церкви от еретиков-гностиков, распространявших свои лжеучения.

«Церковь хотя и рассеяна по всей вселенной даже до концов земли, но приняла от апостолов и от учеников их Веру в единого Бога Отца, Вседержителя, сотворившего небо и землю, и море, и все, что в них; и во единого Христа Иисуса, Сына Божия, воплотившегося для нашего спасения»².

Далее святитель Иринея приводит слова, узнаваемые нами по Никео-Цареградскому Символу веры. Но это не сам текст крещального исповедания, которое автор несколько ранее называет «правилом истины»³. Текст крещального исповедания веры Церкви не записывался не только во 2-м столетии, когда писал святитель Иринея, но и позднее. Даже после отмены гонений на христиан (313 год) еще в середине IV века охранялся древний церковный обычай — учить крещальное исповедание веры Церкви наизусть, не записывая⁴.

После описания того, во что верует Церковь, священномученик Иринея приводит удивительную характеристику веры Церкви, называя при этом веру Церкви также учением и преданием Церкви.

¹ *Св. Иринея Лионский*. Творения. — М.: Изд. «Паломник» и «Благовест», 1996. С. 6.

² Там же. С. 49.

³ Там же.

⁴ Когда святитель Кирилл Иерусалимский († 386), еще будучи пресвитером, совершал в Храме Воскресения Христова рядом с Голгофой оглашение готовящихся ко крещению, то убеждал их не начертывать «учение Веры», а запоминать, чтобы «воспоминанием напечатлеть оное на сердце», а также для осторожности перед теми, кто еще не приступает ко крещению («Огласительное поучение пятое» // *Святитель Кирилл, архиепископ Иерусалимский*. Поучения огласительные тайноводственные. — М.: Изд. Синодальной библиотеки Московского Патриархата, 1991. С. 70).

«Принявши это учение и эту веру, Церковь, хотя и рассеяна по всему миру, — пишет святитель Ирине́й, — тщательно хранит их, как бы обитая в одном доме; одинаково верует этому, как бы имея одну душу и одно сердце; согласно проповедует это, учит и передает, как бы у ней были одни уста. Ибо хотя в мире языки различны, но сила предания одна и та же»¹.

А далее, перечислив разные страны, где «не иначе верят, и не различное имеют предание Церкви», древнехристианский богослов дает еще более удивительную характеристику веры и учения Церкви Христовой.

«И ни весьма сильный в слове из предстоятелей церковных не скажет иного в сравнении с сим учением, ибо никто не выше Учителя, — ни слабый в слове не умалит предания. Ибо так как вера одна и та же, то и тот, кто многое может сказать о ней, не прибавляет, и кто малое, не умаляет»².

Это похоже на собирание манны в пустыне. *«И сделали так сыны Израилевы и собрали, кто много, кто мало; и меряли гомором, и у того, кто собрал много, не было лишнего, и у того, кто мало, не было недостатка; каждый собрал, сколько ему съесть»* (Исх. 16, 17–18). И это совсем не похоже на современные представления об умножении знаний, на образовательные технологии.

Готовясь обличать лжеименное знание (еретический гнозис), святитель Ирине́й сразу же после вышеприведенного рассуждения о неумалюемости и неприбавлюемости веры и учения Церкви говорит о церковном познании и обучении: «Большее же или меньшее знание некоторых, по мере разумения, состоит не в изменении самого содержания — не в том, чтобы измышляли иного Бога, кроме Создателя, Творца и Питателя всей вселенной, как будто не довольствуясь Им, или иного Христа, или иного Единородного, но в том, что тщательно исследуют мысль сказанного в притчах и соглашают с содержанием веры; в том, что раскрывают ход дел и домостроительство Божие относительно рода человеческого <...>; показывают, почему было много заветов с родом человеческим, и учат, какое отличительное свойство каждого из заветов <...>; с благодарным чувством изображают, для чего Слово стало плотию и пострадало; возвещают, почему пришествие Сына Божия открылось в последние времена, то есть в конце,

¹ Св. Ирине́й Лионский. Творения. — М.: Изд. «Паломник» и «Благовест», 1996. С. 50.

² Там же.

а не в начале; раскрывают, что содержится в Писании о конце и будущем; не умалчивают и о том, почему не имевшие упования народы сотворил Бог „сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками со святыми“»¹.

Воскликнув с апостолом Павлом² «О, глубина богатства и премудрости и знания Божия! Как непостижимы суды Его и неисследимы пути Его», святой Иринея заключает: «В этом состоит знание»³.

Если внимательно проанализировать вышеприведенные рассуждения святителя Иринея Лионского, то можно сказать, что здесь представлена целостная концепция святоотеческой методики церковного богословия, которая не утратила своей значимости до настоящего времени. Основанием для этой концепции и методики является **вера Церкви**, синонимически определяемая святителем Иринеем в его богословских трудах также как «учение Церкви», «предание Церкви», «апостольская проповедь», «проповедь Церкви», или просто **вера, учение, предание, проповедь**.

А большее или меньшее богословское знание — это знание домостроительства спасения рода человеческого — того, что совершил ради нас и нашего ради спасения Спаситель мира Господь наш Иисус Христос: «...для чего Слово стало плотью и пострадало; возвещают, почему пришествие Сына Божия открылось в последние времена, то есть в конце, а не в начале; раскрывают, что содержится в Писании о конце и будущем». Изучая же домостроительство спасения рода человеческого по Священному Писанию и святоотеческому богословию, человеку нечего прибавить и ничего нельзя убавить, как пишет святой Иринея Лионский: «Так как вера одна и та же, то и тот, кто многое может сказать о ней, не прибавляет, и кто малое, не умаляет». Этим церковное богословие существенно отличается от светской философии, которая свое развитие видит в прибавлении знания. Основателями философских школ всегда считались такие мудрецы, которые говорили или писали нечто принципиально новое.

Преподобный Иоанн Дамаскин († ок. 780 г.) в начале своего труда «Точное изложение православной веры» пишет, что «Божество неизреченно и непостижимо». «Однако ж Бог не оставил нас в совершенном неведении. Ибо знание того, что Бог существует, Им естественным образом всеяно во всех. И сама тварь, и как ее непрерывное

¹ *Св. Иринея Лионский. Творения...* С. 50–51.

² Рим. 11, 33.

³ Там же. С. 51.

продолжение, так и управление возвещают о величии Божественной Природы. Также и соответственно той степени, в какой мы можем постигать, Он открыл знание о Себе: прежде через закон и пророков, а потом и через Единородного Сына Своего, Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа. Поэтому все, переданное нам как через закон, так пророков и апостолов и евангелистов, принимаем и разумеем и почитаем, не разыскивая ничего свыше этого. Ибо Бог, так как Он — благ, есть Податель всякого блага, не подчиняющийся ни зависти, ни какой-либо страсти. Ибо зависть далеко отстоит от Божественной Природы, действительно бесстрастной и единой только благой. Поэтому, как знающий все и заботящийся о полезном для каждого, Он открыл то, что узнать нам было полезно, а что именно превышало наши силы и разумение, о том умолчал. Да удовольствуемся этим и да пребудем в нем, *не перелагая предел вечных* (Притч. 22, 28) и не преступая Божественного предания!»¹.

Изучая церковное богословие в духовном учебном заведении или читая книги по православному богословию, необходимо помнить о святоотеческом характере богословствования. Верность святым отцам — основной признак верности церковному богословию, как писал архиепископ Василий (Кривошеин), «не потому только, что они *древние* отцы, хотя свидетельство древности всегда ценно, а потому, что в их творениях подлинно выражена вера церковная как ее предвещали пророки, научил Христос словом и делом, проповедали силою Духа Святого апостолы, определили Соборы, разъяснили отцы. „Сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди“. И вот эту веру должно неизменно выражать всякое православное исповедание и определение»².

¹ Точное изложение православной веры. Творение Св. Иоанна Дамаскина. — СПб., 1894. С. 73–74.

² *Архиепископ Василий (Кривошеин)*. Символические тексты в Православной Церкви. — М.: «Сардоникс», 2003. С. 23–24.